

✦ Классическое наследие

От редакции. Трактат Герберта Спенсера «Основания социологии» (1874–1896) был переведен на русский язык почти сразу после его публикации на английском и не раз издавался в разных переводах до революции. Между тем эти издания выходили без части 6, посвященной «церковным» (религиозным) институтам. Предлагаемый читателям перевод этой части публикуется впервые.

ГЕРБЕРТ СПЕНСЕР

ОСНОВАНИЯ СОЦИОЛОГИИ. ЧАСТЬ ШЕСТАЯ. ЦЕРКОВНЫЕ ИНСТИТУТЫ*

Аннотация: В первой главе Спенсер рассматривает происхождение разных форм религиозных представлений. С его точки зрения, все они производны от веры в духов («призраков», «двойников») и культа мёртвых (или культа предков). Он показывает, как из этого «ядра» вырастают фетишизм, анимизм, поклонение небесным явлениям и т.д. Призраки трактуются как прототип всех типов сверхъестественных существ.

Abstract: In the first chapter Herbert Spencer considers the genesis of various forms of religious representations, or ideas. In his opinion, they are all derived from a faith in ghosts (or «doubles») and a cult of the dead (or ancestor worship). He demonstrates how fetishism, animism, worship of celestial phenomena, etc. evolve from this ‘core’. The ghosts are treated as a prototype of all kinds of supernatural beings.

Ключевые слова: церковные институты, религия, религиозная идея, «теория призраков».

Keywords: ecclesiastical institutions, religion, a religious idea, “ghost-theory”.

Глава I. Религиозная идея

§ 583. Не может быть верного представления о структуре без верного представления о ее функции. Для понимания того, как зародилась и развивалась какая-нибудь организация, необходимо понять, какой потребности она служила с самого начала и в дальнейшем. Поэтому, чтобы правильно проследить эволюцию церковных институтов, мы должны знать, откуда появились идеи и чувства, ими подразумеваемые. И, кроме того, являются ли они врожденными или производными?

* Перевод сделан по изданию: Spencer H. *The Principles of Sociology*. N.Y.: D. Appleton and Company, 1900. P. VII, 3-175.

Не только теологи в целом, но и кое-кто из тех, кто трактовал религию рационалистически, считают, что человек по своему складу — существо религиозное. Рассуждения проф. Макса Мюллера насквозь пропитаны этим допущением; в таких книгах, как «Прогресс интеллекта» м-ра Р.У. Маккея, утверждается даже, что человек по сути своей монотеист. Но эта доктрина, принимавшаяся некогда почти всеми, была всерьез поколеблена фактами, извлеченными на свет стараниями психологов и антропологов.

Есть ясное доказательство того, что умы, отрезанные с младенчества телесными увечьями от сношений с умами взрослых, лишены религиозных идей. Глухой д-р Китто в книге «Утраченные чувства» (с. 200) приводит свидетельство глухонемой американки, которую в зрелом возрасте обучили общению с другими. Она сказала, что «мысль о том, что у мира должен был быть Творец, никогда не приходила в голову ни ей, ни кому-либо из других способных учеников ее возраста». Схожим образом и преподобный Сэмюэл Смит, проведший «двадцать восемь лет в почти ежедневном контакте» с глухонемым человеком, говорит: «У него нет ни малейшего представления о бессмертной природе, и не было ни единого случая, когда бы обнаружилось, что у необученного глухонемого имеется хотя бы какое-то представление о существовании Высшего Существа как Творца и Владыки мира».

Из всего этого следует, что у цивилизованных людей нет врожденной склонности к образованию религиозных идей; и этот вывод подтверждается свидетельствами того, что у разных дикарских народов религиозных идей не существует. Сэр Джон Леббок привел много таких свидетельств в книгах «Доисторическая эпоха» и «Происхождение цивилизации». Можно добавить к этому и другие примеры. Так, об одном из веддов, которого во время тюремного заключения наставляли на путь истинный, м-р Хартшорн пишет: «У него нет ни малейшего представления о душе, о Высшем Существом или о будущей участи». Касательно африканской расы Хёглин говорит: «Доры, по всей видимости, не имеют религиозных представлений в подлинном смысле слова, но верят в духов». От Швайнфурта мы узнаем, что «у бонго нет даже отдаленного представления о бессмертии... Всякая религия, в нашем смысле, совершенно им неведома».

Правда, в таких случаях обычно имеется то ясно выраженное, то смутное представление о сверхъестественном, и последнее связывается с умершими. Бывает, дикарь в ответ на расспросы говорит, что смерть влечет полное исчезновение, но в другой раз он выказывает великий страх перед местами, где пребывают мертвые; а этим предполагается либо наполовину сформировавшаяся идея о том, что умершие вдруг проснутся, подобно погруженному в сон человеку, либо какое-то неясное представление о двойнике. Но даже и это представление существует не во всех случаях; это хорошо видно из разговора сэра Сэмюэла Бейкера с вождем латуков, одного из племен Нила.

«— И вы не верите в будущее существование после смерти?...

Комморо (говорит): Существование после смерти! Как такое может быть? Разве может умерший человек выбраться из могилы, если мы его не откапываем?

— Вы думаете, что человек подобен зверю, который умирает и на этом прекращает свое существование?

Комморо: Конечно. Бык сильнее человека; когда он умирает, кости его сохраняются дольше, ведь они крупнее. Человеческие же кости разрушаются быстро — он слаб.

— Разве человек не превосходит в каком-то смысле быка? Разве у него нет ума, который направляет его поступки?

Комморо: Некоторые люди не так умны, как бык. Люди должны сеять зерно, чтобы добыть пропитание, но бык и дикие животные могут обеспечить себя пропитанием без всяких посевов.

— Разве не знаете вы, что внутри вас дух, царящий над плотью? Вас не посещают сновидения, и разве во сне вы не посещаете мысленно далекие места, а тело ваше остается в одном месте. Как вы это объясните?

Комморо (смеясь): Ну а как *вы* это объясните? Я этого понять не могу; со мною это происходит каждую ночь».

«— Разве нет у вас идей о существовании духов, превосходящих и человека, и зверя? Разве не боитесь вы зла, исходящего от чего-то еще, кроме причин физических?»

Комморо: Я опасаюсь слонов и других животных, когда бываю ночью в джунглях, но больше ничего не боюсь.

— Но в таком случае вы ни во что не верите, ни в доброго, ни в злого духа! Вы что же, считаете, что, когда умрете, это будет конец тела и духа; что вы сродни другим животным; что нет никакой разницы между человеком и зверем; что оба они исчезают, и со смертью им приходит конец?

Комморо: Да, конечно».

Тогда Бейкер повторил аргумент святого Павла, имеющий важнейшее значение в наших похоронных службах, где речь шла об умирающем зерне, и в ответ на это Комморо сказал:

«Так оно и есть; это я понимаю. Но *первоначальное* зерно *не* всходит снова; оно гниет, подобно умершему человеку, и ему приходит конец. Плод, произросший из него, — это не то же зернышко, которое мы похоронили, а *порождение* этого зернышка. Так же и с человеком. Я умираю и разлагаюсь, и мне приходит конец; но вырастают мои дети, подобно плоду из зерна. У некоторых людей нет детей, и некоторые зерна истлевают, так и не принеся плодов; тогда всем им приходит конец».

Отсюда ясно, что религиозные идеи не имеют сверхъестественного происхождения, они имеют естественное происхождение. Но как они возникают?

§ 584. В первом томе этого сочинения около двух десятков глав были посвящены объяснению первобытных идей вообще и в особенности тех из них, которые касаются природы и действий сверхъестественных существ. Вместо того чтобы отсылать читателя назад к этим главам, я думаю, будет лучше еще раз коротко сформулировать содержащуюся в них доктрину. Я делаю это отчасти потому, что эта доктрина, расходящаяся как с нынешними мнениями обывателей, так и с мнениями мифологов, нуждается в том, чтобы мы еще раз обратились к ней, отчасти потому, что приводимый далее ряд иллюстраций дополнительно подтверждает наши доводы, а отчасти потому, что можно добиться большего результата, если привести несколько групп фактов и умозаключений в более тесную связь.

Чтобы определить в общих чертах генезис религиозных представлений, о котором пойдет речь ниже, можно для начала привести сведения из досконального труда м-ра Броза Смита «Аборигены Виктории». Когда хоронят австралийца, прославившегося в качестве охотника или советника, знахарь, сидя или лежа возле могилы, восхваляет почившего и слушает его ответы. По словам знахаря, «умерший мужчина

обещал, что в случае, если его убийство будет в должной мере отомщено, его дух не будет преследовать племя, вселять в людей страх, направлять их по ложному пути, вызывать среди них болезни и производить по ночам громкие шумы». Здесь мы можем разглядеть существенные элементы культа. Присутствует вера в существо, которое мы зовем сверхъестественным, а именно — в духа. Есть и хвалы, возносимые этому существу, которые оно, как предполагается, слышит. При условии выполнения его повелений оно, говорят, обещает не употреблять во зло свои сверхчеловеческие силы: не вредить живущим эпидемией заразы, не обманывать и не пугать их.

Не следует ли отсюда, что сложные религии могли развиваться из таких семян? Когда, как у поклоняющихся предкам малагасийцев, мы находим, по сведениям М. Ревилля, молитву: «*Nyang, méchant et puissant esprit, ne fais pas gronder le tonnerre sur nos têtes. Dis à la mer de rester dans ses bords. Épargne, Nyang, les fruits qui mûrissent. Ne sèche pas le riz dans sa fleur*», — трудно противиться выводу, что Ньянг — это лишь более развитая форма такого духа, которого умиляет и к которому обращается с просьбами австралиец. Читая в японской литературе, «что духи умерших продолжают существовать в незримом мире, находящемся всюду вокруг нас, и что все они становятся богами, имеющими разный характер и разную степень влияния», а также что «богов, не причиняющих вреда, надлежит умиротворять, дабы они не могли покарать тех, кто их обидел, и [что] всем богам надлежит поклоняться, дабы умножить их благосклонность», мы укрепляемся в предположении, что все эти злокозненные и милосердные боги произошли от «духов умерших... имеющих разный характер и разное влияние». Из того обстоятельства, что в Индии, по словам сэра Альфреда Лайалла, «судя по всему, почести, которые воздаются сначала всем отошедшим в мир иной духам, сосредоточиваются постепенно как божественные почести на манах благородных людей», мы черпаем дальнейшую поддержку этой точки зрения.

И когда подобные факты напоминают нам о том, что у греков до времен Платона бытовали схожие верования, что явствует из «Республики», где Сократ в число «главнейших из всех» требований включает «служение богам, полубогам и героям... а также обряды, которые должны соблюдаться для умиления обитателей подземного мира», подтверждая тем самым, что тогда еще сохранялся «тот страх перед гневом умерших, который владел древнегреческим разумом», мы извлекаем из этого родства верований у народов, далеко отстоящих друг от друга во времени, пространстве и культуре, прочные основания для вывода, что источником всех религий является умиление духов.

Этот вывод находит подтверждение везде, куда бы мы ни взглянули. Как до последнего времени предполагали, что не существует никаких следов доисторического человека, хотя теперь, когда к ним привлечено внимание, орудия, которыми он пользовался, обнаруживаются повсюду, так и гипотеза, что религии происходят от культа предков, находит подтверждение во всех народах и в каждой стране. Каждая новая книга о путешествиях несет новые сведения; и из историй древних народов приходит тем больше иллюстраций, чем более внимательно мы их изучаем.

Ниже я проиллюстрирую новыми примерами основные факторы и стадии этого генезиса религиозных представлений, обильно цитируя книги, опубликованные с тех пор, как вышел в свет первый том этого труда.

§ 585. У африканского дикаря Коморро, чьи слова приводились выше, оказавшегося, как показал его последний ответ, умнее своего собеседника, не было теории

сновидений. На расспросы о том, как он объясняет осознание странствий во время сна, он сказал: «Я этого понять не могу». И здесь можно по ходу дела заметить, что там, где не было представления о двойнике, во время сна покидающем тело, не было и веры в двойника, остающегося жить после смерти. У дикарей, более готовых к принятию интерпретаций, нежели Коморро, есть, однако, подозрение, что путешествия, происходящие во сне, реальны. В качестве примера можно привести зулусов. Один из них говорил епископу Каллаваэю: «Когда умерший приходит [во сне], он является не в форме змеи и не как простая тень, а приходит лично, словно на самом деле и не умер, и говорит с соплеменником. Тот даже не подозревает, что это мертвец, пока не поймет это по пробуждении. Тогда он говорит: “Поистине думал я, что этот человек еще жив; теперь-то ясно, что ко мне приходила его тень”». Подобным образом и у андаманцев (считающих, что отраженный образ человека — одна из его душ) существует вера в то, что «в сновидениях именно душа, покидающая тело через ноздри, видит окружающее или, чем-то занятая, является спящему».

Аномальные формы бесчувствия считаются вызванными затянувшимся отсутствием странствующего двойника; при этом неважно, создается ли эта бесчувственность естественно или искусственно. То, что первоначально принятые толкования этих необычных состояний очевидного отсутствия сознания были такого рода, мы видим в убеждении, выраженном Монтенем. Он считал, что «души людей, оказываясь на воле и освобождаясь от тела либо сном, либо каким-то экстатическим состоянием, предугадывают, предсказывают и прозревают вещи, которых они, оставаясь соединенными с телом, видеть не могут». И в наше время среди вару (индейцев Гвианы) человек, чтобы обрести магическое могущество, принимает настойку табака, «и при погружении в подобное смерти болезненное состояние, в которое она его вводит, дух его, как предполагается, покидает тело и посещает *яухаху* — неких ужасных существ, под чьим влиянием он, как считается, впредь будет находиться, — от которых он и получает могущество».

От обычного отсутствия другого Я во сне и его необычного отсутствия при обмороке, апоплексии и т.д. дорога ведет к бесконечному отсутствию его в случае смерти, когда после некоторого периода выжидания ожидание того, что оно вернется, отбрасывается. При этом все же верят, что, будучи глухим к мольбам о возвращении, другое Я либо время от времени возвращается, либо в конце концов вернется. Обычно предполагают, что дух еще удерживается поблизости от тела или повторно его посещает. Так полагают, например, ирокезы или чинуки, которые «говорят об умерших, что те бродят по ночам, когда они, как считается, просыпаются и отправляются на поиски пищи». Надолго сохраняясь у высших народов в историях о ночных похождениях дематериализованных призраков, эта вера выживает в своей изначальной грубой форме в бытующих кое-где рассказах о вампирах.

Одно из следствий примитивной веры в материальность двойника — это забота о тех желаниях, которые проявляли себя во время жизни. Отсюда раковина с «порцией собственного молока», оставляемая на могиле младенца андаманской матери; отсюда «пища и дары, приносимые умершим» у чиппевеев и других народов; отсюда оставление рядом с телом умершего всех необходимых орудий, как у чинуков; отсюда «огонь, поддерживаемый [рядом с могилой] в течение многих недель», как у вару; отсюда принесение в жертву жен и рабов на похоронах вождя, которое, согласно Камерону, все еще сохраняется в Уруа в Центральной Африке. Короче го-

воря, именно отсюда проистекает всеобщее распространение среди нецивилизованных и получивилизованных народов этих похоронных обрядов, подразумевающих веру в то, что призрак обладает такими же ощущениями и чувствами, как и живой человек. Первоначально эта вера принимается буквально, как, скажем, зулусами, которые говорили в уже приводившемся случае: «Духи предков пришли и съели все мясо; когда люди вернулись с купания, они обнаружили, что все мясо съедено». Однако некоторые народы, считающие призрак менее материальным, полагают, что он черпает силы из духа приносимой жертвы: приведем в качестве примера никарагуанцев, которые «укладывают пищу с телом перед кремацией», а также ахтов, которые «хороня друзей, сжигают шерстяные одеяла», дабы те не «отправлялись в подземный мир дрожащими от холода».

Оказание помощи двойнику умершего, обычно совершаемое во время похорон, продолжается во многих местах и далее: где-то по особым случаям, где-то с регулярной периодичностью. Ведь если призраку не уделять должного внимания, то может случиться беда. Люди разных типов навещают время от времени своих умерших, чтобы принести им пищу, питье и т.п. Так, у гондов на могилах особо почитаемых личностей «жертвы продолжают приноситься ежегодно на протяжении многих лет». Другие, как укиа и санелы в Калифорнии, «разбрасывают пищу в любимых местах умершего». Где-то считается, что призраки приходят в места, где для них приготовлена еда. В качестве примера можно взять Зулуленд. Епископ Каллавэй приводит слова одного зулуса: «Эти мертвые — глупцы! Зачем они проявили себя, убив ребенка таким образом, ничего не сказав мне? Эй, мальчики, идите и принесите козла».

Места, где обитают двойники умерших, столь напоминающие своими желаниями и страстями живых, представляются по-разному. Одни народы, как шиллуки Белого Нила, «представляют умерших так, словно те бродят среди живых, но все ж таки относятся к ним внимательно». Санталы, например, считают, что призраки предков населяют окрестные леса. У соноров и мохаве Северной Америки их воображаемыми пристанищами считаются утесы и холмы. «Страна благословенных, — говорит Скулкрафт, — находится не в небесах. Нам говорят скорее... о новой земле, обитаемой территории». Там, где считается, что призрак возвращается в район, из которого некогда пришло данное племя, должны быть преодолены препятствия. Одни, например чибча, рассказывают о труднопроходимых реках, которые нужно пересечь, чтобы туда добраться. Другие ведут речь о морях: наове (в Австралии) считают, что их призраки уходят и поселяются на островах в заливе Спенсера. — Рука об руку с этими материалистическими представлениями о другом Я и местах его обитания идут аналогичные материалистические представления о его деяниях после смерти. Скулкрафт, описывая потусторонний мир, как он представлен в индейской вере, говорит, что там продолжают те же обычные занятия, что и в жизни, но с меньшими превратностями и затруднениями. Чибча считали, что «в будущем каждому народу причитается особое местоположение, так чтобы все могли возделывать землю».

И мы повсюду находим почти полную параллельность поюсторонней жизни и воображаемой потусторонней. — Более того, предполагается, причем даже у сравнительно развитых народов, что общественные отношения в потустороннем мире повторяют отношения в этом мире. «Некоторые из них [даосских храмов] называются гун, “дворец”; в них прилагаются все старания, чтобы боги этой религии были пред-

ставлены в их небесных обителях сидящими на тронах в своих дворцах, вершащими правосудие или раздающими наставления». Это напоминает греческую идею Аида. То, что похожие идеи существовали у древних англичан, любопытным образом видно из цитируемых Кемблом слов короля Альфреда, касающихся позволения улаживать преступления посредством денежного откупа, «кроме тех случаев, когда совершено особо тяжкое преступление против лорда, к которому осмелились не проявить никакого милосердия; ведь Всемогущий Бог ничего не присудил тем, которые его презрели, как и Христос... ни в чем не винил его, пославшего его на смерть: и он велел, чтобы господина любили так же, как и его самого».

Насыпи над могилами у вулва в Центральной Америке, на которые постоянно приносят пищу, или груды камней наподобие «обо», описываемых Пржевальским, мимо которых «ни один монгол не пройдет мимо, не подбросив в качестве приношения камень, лоскут ткани или пучок верблюжьих волос», и которые, например, в Афганистане, явно вырастают как надгробья над умершими, превращаются благодаря таким обрядам в алтари. В некоторых случаях они вполне определенно приобретают такой характер. На могиле принца в Вера-Пасе имеется «возвышающийся над всем каменный алтарь, на котором в память об умершем возжигали благовония и приносили жертвы». Разные народы сооружают здания для таких зачаточных или развитых алтарей. У москито «строится грубая хижина над могилой, служащая хранилищем, куда складывается отборная еда, питье» и т.д. В Африке вахуту «обычно возводят над ними [могилами] небольшие навесы, куда кладут приносимую пищу». На гравюре с изображением мавзолея туземного вождя, помещенной в книге майора Серпа Пинто, мы видим могилу, накрытую сверху постройкой, стоящей на шести деревянных столбах; если бы к этому зданию прибавили еще несколько колонн, оно стало бы похоже на небольшой греческий храм. Так же и на Борнео. Изображение «семейного склепа Раджи Динда», приводимое Боком, демонстрирует превращение навеса над могилой в храм восточного типа. Такая же связь существовала у греков.

«Героон» представлял собой своего рода часовню, сооружаемую в память о герое... Вначале это был могильный памятник (σῆμα), окруженный священной оградой (τέμενος); однако значимость культа, отправлявшегося здесь в честь героев, преобразовала его вскоре в реальный «гиерон» [храм]».

И в наши дни магометане, несмотря на исповедуемый ими монотеизм, являют нам с превеликой ясностью схожую трансформацию. Мавзолей святого в Египте — это «священное сооружение». Люди, проходя мимо, останавливаются и преисполняются «благочестивого почтения» к «господину нашему Абдалле». «В углу святилища стоит восковая свеча, длинная и толстая, как бивень слона»; а вокруг располагается двор с «укромными местами для совершения молитвы и могилами прославленных умерших». — Последняя цитата подразумевает еще кое-что. Параллельно превращению могильных возвышений в алтари, навесов над могилами — в религиозные сооружения, а продуктов, приносимых призраку умершего, — в жертвоприношения, происходит развитие восхваления и молитвы. В дополнение к вышеприведенным примерам можно привести еще один, взятый из старого сочинения Даппера, переведенного Огилби, где описывается, как негры в районе Гамбии возводят над могилами маленькие хижины, «куда собираются в условленное время живые друзья и знакомые умерших, чтобы попросить прощения за обиды, причиненные им, когда они были еще живы».

Развитие культа предков, до сих пор иллюстрируемое в отдельных его аспектах, можно ясно представить как совокупный процесс, приведя цитаты из недавно изданной книги «Africana» преподобного Даффа Макдональда, одного из миссионеров, работавших в поселении Блантире. Отдельные выдержки из его отчета, разбросанные тут и там на пятидесяти с лишним страницах, гласят:

«Человек может быть похоронен в собственной хижине» (р. 109). «Его старый дом, тем самым, становится своего рода храмом» (р. 109). «Теперь покойный находится в мире духов и получает приношения и поклонение» (р. 110). «Теперь он бог, обладающий властью следить за ними, помогать им и контролировать их судьбу» (р. 61). «Дух почившего человека называют его Мулунгу» (р. 59). Вероятное происхождение этого слова «установлено Бlichem [филологом], по мнению которого оно означало вначале “великого предка”» (р. 67). «Их бог является им в сновидениях. Они могут видеть его таким, каким знали в минувшие дни» (р. 61). «Богов у туземцев примерно столько же, сколько умерших» (р. 68). «Каждый поклоняющийся совершенно естественным образом обращается к духам своих умерших родственников» (р. 68). Вождь «будет совершать приношения своему прямому предшественнику и говорить: “О, отец! Я не знаю всех твоих родственников, но ты знаешь их всех. Пригласи их попить с тобой”» (р. 68). «Местом обитания духа старого вождя может быть целая гора, но главным образом он живет на окутанной облаками вершине» (р. 60). «Великий вождь, достигший успеха в войнах, надолго сохраняется в памяти. Он может стать богом горы или озера, и ему могут поклоняться как местному божеству еще долго после того, как его потомки будут вытеснены с этого места. Когда жители этой местности просят дождя, они молятся не столько собственным праотцам, сколько богу близлежащей горы, на чьих плечах покоятся большие дождевые облака» (р. 70). «Кроме духов своих отцов и вождей, обитающих в горах, ваяо называют еще других, которых они считают высшими. Только их дом больше связан с той местностью, которую я покинул; так что, возможно, когда-нибудь и на них самих станут реально смотреть как на местных божеств» (р. 71). (*Vol. I, p. 59-110*).

Перейдем к рассмотрению некоторых менее явных следствий теории призраков. Проводя лишь весьма смутное различие между видимостью и реальностью, дикарь считает, что представитель вещи приобретает некоторые свойства самой вещи. Поэтому он верит, что изображение умершего человека (которое первоначально помещали на могилу) становится обиталищем его духа. Эта вера распространяется затем на изображения, помещаемые в других местах. Относительно «грубо отесанной фигуры обнаженного мужчины или женщины», которую некоторые даяки ставят на пути к своим фермам, св. Джон пишет: «Говорят, что в каждой такой фигуре обитает дух».

Ввиду того, что такие образы населены двойниками умерших, они во многих случаях являются объектами почитания. Говоря об идолах, которые изготавливаются западнее озера Ньяса, Ливингстон отмечает, что «им преподносят помбе, муку, банг, табак и зажигают огонь, от которого бы они могли прикурить. Они представляют умершего отца или мать, и предполагается, что они получают удовольствие от того, что совершаются приношения их представителям... Иногда им дают имена умерших вождей». Бастиан рассказывает нам, что одна негритянка в Сьерра-Леоне держала в своей комнате четырех идолов, чьи рты она ежедневно смазывала маисом и пальмовым маслом: один представлял ее саму, другой — ее умершего мужа, а остальные два — ее детей. Часто представительство оказывается чрезвычайно прими-

тивным. Дамара делают «статуэтки, составленные из двух кусочков дерева, предположительно представляющие домашнее божество, или, скорее, обожествленного родителя», и по особым случаям выставляют их на общее обозрение. О бхилах мы читаем: «Эти обычные церемонии состоят попросту в том, что идола, редко бывающего чем-то иным, нежели бесформенным камнем, натирают киноварью и красным графитом либо маслом, после чего, сопровождая все это торжественными заявлениями и прошениями, приносят ему в жертву животное и какой-то спиртной напиток».

Здесь мы видим переход к той форме фетишизма, в которой объект, имеющий лишь грубое сходство с человеческим существом или вовсе его не имеющий, считают тем не менее местом обитания призрака. Могу добавить к этому, что связь между развитием теории призраков и развитием фетишизма поучительно демонстрируется отсутствием как того, так и другого у одного из африканских народов, описанного Томсоном: «Вахебе, оказывается, так же свободны от предрассудков, как и другие виденные мной племена... У них полностью отсутствовали обычные признаки того фетишизма, который существует в других местах. Но вместе с тем они, по-видимому, не проявляют к своим умершим никакого уважения; тела обычно просто выбрасывают в джунгли на съедение гиенам».

Точно такую же связку фактов показывает опубликованное им позже описание масаи. Несколькими путями возникает отождествление предков с животными и вытекающее отсюда почтение к животным, которое увенчивается иногда предрассудками, а иногда — полноценным культом. Существа, часто посещающие места захоронений или места, считающиеся обиталищами духов, равно как и существа, летающие по ночам, нередко начинают восприниматься как обличья, принимаемые умершими. Так, бонго боятся «призраков, живущих, говорят, в сумрачных лесных чашах. Духи, черти и ведьмы имеют здесь общее название “битабо”; у лесных гоблинов есть особое название — “ронга”. Под тем же именем фигурируют все летучие мыши... а также всякого рода совы».

Подобным же образом вера в то, что призраки часто возвращаются в свои старые дома, приводит к вере в то, что змеи, часто заползающие в жилища, являются их воплощениями. Негры в окрестностях Блантире считают, что «если умерший мужчина хочет напугать свою жену, он может постоянно являться к ней в обличье змеи», а «когда мужчина убивает змею, принадлежащую таким образом духу, он отправляется принести извинения оскорбленному божеству и говорит: “Пожалуйста, прости, я не знал, что это была твоя змея”». Более того, «змеи считали семейными и домашними божествами многие индоевропейские народы», и «в некоторых районах Польши [в 1762 г.] крестьяне тщательно следили за тем, чтобы обеспечить молоком и яйцами черных змей особого вида, которые заползали в их... дома, и приходили в отчаяние, если этим рептилиям причинялся хотя бы малейший вред». — Вера, относящаяся к этому же разряду, но проявляющаяся иначе, встречается в Северной Америке. Апачи «считают гремучую змею обличьем, принимаемым злобными людьми после кончины». У обитателей Наярита считалось, что «в течение этого дня им [призракам] позволено в поисках пищи общаться с живыми, приняв облик мух». Это напоминает нам о культе филистимлян, а также о вавилонской вере, выраженной в первом предании об Иштвар, где говорится, что «боги Урук Субури [блаженные] обратились в мух».

Отождествление двойников умерших с животными, но не с теми, которые часто навешиваются в дома или места, в которых эти двойники предположительно любят

бывать, а с теми, которые похожи на определенных умерших своими злотворными или благотворными качествами, восходит в иных случаях к неверной интерпретации имен. Об айнах Японии мы читаем, что «высочайшей похвалой человеку у них служит его сравнение с медведем. Так, Синонди говорил о Бенри-вожде: “Он силен, как медведь”. А старик Фате, восхваляя Пипичари, называл его “Молодым медведем”». Здесь переход от сравнения к метафоре иллюстрирует происхождение животных имен. Когда же выясняется, что айны поклоняются медведю, хотя и убивают его, и что после убийства его на медвежьем празднике они хором кричат: «Мы убиваем тебя, о Медведь! Вернись скорее в айна», — мы видим, как может возникнуть отождествление медведя с айном-предком и вытекающее отсюда почитание медведя.

Поэтому, когда мы читаем, что «прародителем монгольского королевского дома был волк» и что родовое имя у них было Волк, или вспоминаем многочисленные случаи ношения имен животных у американских индейцев, соединенные с тотемической системой, эта причина отождествления предков с животными и вытекающей отсюда священности этих животных становится достаточно очевидной. Даже не покидая мысленно пределов нашей страны, мы находим важные подтверждения. В давние времена бытовало поверье, что дедом графа Сиварда Нортумбрийского был медведь из норвежского леса, а «у медведя этого, который был предком Сиварда и Ульфа, были, по-видимому, еще другие известные медвежьи потомки». Так вот, Сивард отличался «своей гигантской фигурой, невероятной силой и личной доблестью».

Отсюда мы можем резонно заключить, что, как и в приведенном случае айнов, предполагаемое медвежье происхождение родилось из неверного истолкования метафоры, применявшейся к могучему, как медведь, прародителю. — Есть еще и другие случаи, в которых священность некоторых животных проистекает из идеи, что умершие переселились в них. Некоторые даяки отказываются есть оленину, поскольку верят, что их предки «принимают после смерти облик оленя», а у эскимосов «Ангек объявляет скорбящим, в какое животное перешла душа покойного». Таким образом, есть несколько способов, посредством которых возникает почтение к животному, а иногда и поклонение ему: все они, однако, предполагают отождествление его с человеческим существом.

Один из воспитанников учреждения для глухонемых в Эдинбурге говорил: «Перед тем, как пойти в школу, я думал, что звезды крепятся на небесном своде подобно каминным решеткам на очаге». Это напоминает нам о вере некоторых североамериканцев в то, что самые яркие звезды Млечного пути — это бивачные костры, разожженные умершими по дороге в иной мир; здесь мы видим, насколько естественно может происходить отождествление звезд с личностями. Когда спортсмен, слышав выстрел в близлежащем лесу, восклицает: «Это Джонс!», — он вовсе не собирается этим сказать, что сам звук и есть Джонс; он, как нам известно, имеет в виду, что Джонс произвел этот звук. Но когда дикарь, показывая на конкретную звезду, изначально мыслимую как бивачный костер некоего умершего человека, говорит: «Вон он», — дети, которых он наставляет, естественным образом заключают из его слов, что сама звезда и есть этот человек, особенно когда получают сие утверждение на неразвитом языке.

Отсюда такие факты, как, например, тот, что, по мнению индейцев Калифорнии, призраки держат путь «туда, где встречаются земля с небом, дабы стать звездами, и самые яркие обличья при этом принимают вожди». Отсюда же и другие факты. Например, мангаяны говорят о неких двух звездах, что это дети, мать которых «была

сварливой склочницей и никак не давала им покоя»; попытавшись скрыться от нее на «высокую гору», они «вскарabкались на небо»; родители попытались последовать за ними, но так до сих пор их и не поймали. Примерно так возникает персонификация звезд и созвездий; а если вспомнить, насколько широко, как мы только что показали, распространено в примитивных обществах отождествление людей с животными, становится ясно, каким образом возникают созвездия-животные: такова нимфа Каллисто, которая, превратившись в медведицу, стала медведем на небесах. — То, что метафорическое именование может вызвать персонификацию небес в целом, мы знаем на огромной массе примеров. Один гавайский король носил имя Калани-нуи-Лихо-Лихо, означающее «небо огромное и темное»; отсюда ясно, что (если переставить с головы на ноги порядок, предполагаемый мифологами) Зевс вполне естественно мог быть сначала живым человеком, а его отождествление с небом стало следствием его метафорического имени.

Имеются подтверждения того, что подобное смешение метафоры с фактом приводит к рождению культа Солнца. Лестное именование Солнцем встречается повсеместно и там, где его связывают с могуществом, начинает передаваться по наследству. Вожди гуронов носили имя Солнца. Гумбольдт замечает, что «“короли-солнца” у натчез вызывают в памяти Гелиадов первой восточной колонии Родоса». Из множества иллюстраций, касающихся Египта, можно привести надпись из Сильсилиса: «Слава тебе, царь Египта! Солнце чужеземных народов!... Жизни, спасения, здоровья тебе! Он сияющее солнце».

В таких случаях, следовательно, культ предка легко превращается в поклонение Солнцу. — Примерно то же происходит и с другими небесными явлениями. «В бейрутской школе, — говорит Дрезуп, — девочек называют и называли прежде именами... Утренняя Заря, Роса, Роза... Однажды я гостил в деревне Бруммана у человека, у которого было шесть дочерей. Он называл их именами *Солнце*, *Утро*, *Зефирный бриз*» и т.д. Еще одну звали *Звезда*. Здесь опять-таки превосходство, удача или примечательная судьба индивида, носящего такое имя, обычно порождали умиротворение персонифицированного феномена. — То, что именно такое происхождение имеет персонификация ветра, видно из одной бушменской легенды. «Ветер, — повествуется в ней, — прежде был человеком. Он весь покрылся перьями и полетел. Отныне он больше не ходил по земле, как раньше. Он улетел и поселился внутри горы... Пещера в горах стала его обиталищем». В засушливых районах мира встречается представление о том, что не только божественные предки, положившие начало человеческому роду, но и боги Природы вышли из пещер. Легенда мексиканцев повествует о том, что из пещер вышли Солнце и Луна; а современный бушмен своим представлением о пещере, в которой поселился ветер, всего лишь повторяет древнего грека. Восходя к традициям обитателей пещер, рассказы такого рода вместе с сопровождающим их культом вполне естественны; иначе пришлось бы предположить роскошные нелепости, которые невозможно законно приписать даже самым умственно неразвитым людям. Грот говорит о богине Ате: «Это же имя используется иногда для обозначения человека, а иногда в отношении персонифицированного свойства или события». И опять-таки отмечалось, что «у Гомера Аид служит неизменно именем бога; но позже это слово было перенесено на его дом, его место обитания или царство». Поклонение природе, стало быть, есть всего лишь отклонившаяся форма поклонения призракам.

В нормальных своих формах, как и в аномальных, все боги возникают посредством обожествления. Изначально бог — это возвышающийся над другими живой человек, чья власть воспринимается как сверхчеловеческая. Свидетельства этого можно почерпнуть как у живущих в настоящее время нецивилизованных народов, так и в историческом прошлом цивилизованных народов. Селоус говорит: «Вождя этих краалей, “Ситунгвееса”, амандебеле считают самым могущественным “Умлимо”, или богом». Так и среди живущих в наше время индусов «генерала Николсона... почитали при жизни как героя, несмотря на жестокое гонение им своих верных последователей». *Ригведа* показывает, что так же обстояло дело у древнего населения Индии. Люди обращались к своим богам: «Ты, Агни, древнейший и самый подобный Ангирасу мудрец» (R. V., i, 31). «Ты, Агни, величайший риши» (iii, 21, 3). «Ты, [Индра], риши, рожденный в древности» (viii, 6, 41). «Индра жрец, Индра риши» (viii, 16, 7). Двух примеров — того, что был обожествлен Ахилл, и того, что, согласно преданию, пифийская жрица предпочитала обращаться к Ликургу как к богу, — будет достаточно, чтобы напомнить о божествах, производных от человека у греков.

Также всем известно, что у римлян и подвластных им народов достиг большого развития культ императора. «В каждом из галльских городов... большое число людей, принадлежащих как к средним, так и к высшим классам, были священниками и жрецами Августа, жрецами Друза, жрецами Веспасиана или Марка Аврелия». «Статуи императоров были настоящими идолами, которым оказывали восхваление, приносили жертвы и возносили молитвы». А насколько естественны были в те дни представления, ведущие к таким культам, для других европейских народов, курьезным образом видно из инцидента, случившегося в V в. во время похода Тиберия, на тот момент принца, в Германию, когда римляне и тевтоны стояли по разные стороны Эльбы.

«Один из варваров, пожилой человек крепкого телосложения и, судя по одежде, высокого ранга, вскочил в выдолбленное дерево (какое они используют вместо лодок) и вывел судно на середину реки. Там он попросил и получил разрешение переплыть безопасно на нашу сторону и повидаться с принцем. Выйдя на берег, он в первый раз за долгое время взглянул на принца и наконец промолвил: “Поистине сошли с ума наши молодые люди. Ибо если вы далеко, то они почитают вас как богов, но стоит только вам приблизиться, как они начинают больше бояться вашего оружия, нежели оказывать вам почтение. Но с вашего любезного разрешения, о, господин, я увидел сегодня богов, о которых прежде только слышал”».

То, что некоторые из наших собственных предков считали богов просто высшими людьми, также ясно. Если норвежец «считал, что к нему относятся несправедливо, пусть даже и его боги, то он открыто их бранил и отказывался их чтить»; и мы вспоминаем о ныне живущих дикарях, читая о норвежском воине, «страстно желавшем встретиться один на один с Одним, напасть на него».

Поскольку в примитивном мышлении божественность, стало быть, синонимична превосходству и поскольку поначалу богом может быть либо могущественный живой человек (обычно принадлежащий к расе завоевателей), либо умерший, который приобрел сверхъестественную силу, став призраком, то перед нами открываются два источника возникновения полубожественных существ: один — это союз покоряющей расы богов и покоряемой расы собственно людей, второй — предполагаемые сношения между живыми и духами. Мы уже видели, что жизнь в грезах поначалу в целом неотделима от жизни в состоянии бодрствования. И если события обыч-

ных грез считаются реальными, то мы можем из этого заключить, что обстоятельства, сопутствующие определенному роду грез, создают особенно сильную веру в их реальность. Однажды установившись в народном сознании, эта вера в их реальность становится преобладающей.

На Самоа (островах Мореплавателей) «бытует очень удобное для репутации женщин представление, что некоторые из этих *хотооа поу* [злокозненных духов] пристают к ним, когда они спят, вследствие чего происходит множество сверхъестественных зачатий». То же самое у даяков. И Брук, и св. Джон рассказывают нам о детях, зачатых теми или иными духами. О подобном происхождении и подобной природе шла речь в доктрине вавилонян касательно мужских и женских духов и их потомства. В европейской истории вплоть до последнего времени сохранялась вера в инкубов и суккубов; иногда отсюда рождались предания, например о Роберте Дьяволе. Конечно, природа сверхъестественного родителя трактуется при этом по-разному: иногда она демоническая, иногда – божественная. И, как следствие этого, то тут то там рождаются истории вроде историй древних греков о людях, произошедших от богов.

Итак, Сравнительная Социология раскрывает общее происхождение каждого из основных элементов религиозной веры. Представление о призраке вместе с умножением и усложнением вытекающих из него идей мы находим повсюду – от арктических регионов до тропиков, от лесных массивов Северной Америки до пустынь Аравии, от гималайских долин до африканских джунглей, от горных склонов Анд до островов Полинезии. Оно демонстрируется с одинаковой ясностью расами, настолько далекими друг от друга по типу, что, по мнению компетентных судей, они должны были разойтись еще до того, как сложилось существующее распределение суши и моря: расами с прямыми, курчавыми и кудрявыми волосами, с белой, смуглой, медно-красной и черной кожей. И мы находим ее как у народов, не достигших никакого прогресса в цивилизации, так и у народов цивилизованных и полувцилизированных. Итак, мы располагаем более чем достаточными доказательствами того, что религии имеют естественное происхождение.

§ 586. Чтобы дать этим доказательствам окончательное подтверждение, позвольте мне вместо того, чтобы брать по отдельности каждое религиозное представление, одинаково проявляемое разными народами, взять целый ряд таких представлений, проявляемых одним и тем же народом.

Упомянутая вера в реальность пригрезившихся сцен и увиденных во сне лиц, которая, как мы ранее увидели (в § 530), была общей для египтян с примитивными народами в целом, шла рука об руку с верой, также обычно с ней связанной, в то, что тени – это вещественные сущности. Тень человека «считалась важной частью его личности»; и *Книга мертвых* трактует ее «как нечто вещественное». Опять-таки, другое Я человека, называемое его *ка*, сопровождало его на протяжении всей жизни, и мы видим, «что египетского царя часто изображают совершающим акт умилоствления своего *ка*»; точно так же сегодня делают карены. «Освобожденная от телесной оболочки личность» имела «материальную форму и субстанцию. Душа обладала собственным телом, она могла есть и пить». Но, как отчасти подразумевается этим утверждением, у каждого человека были предположительно и личности менее материального рода. После кончины «душа, хотя и оставалась привязанной к телу, была вольна покинуть могилу и вернуться в нее в течение дня в любой форме, которую выберет».

В одном папирусе говорится, что мумии «беседуют в своем подземелье о некоторых обстоятельствах своей прошлой жизни на земле». Поскольку у *ка* есть желания, то их необходимо обслуживать; и, как говорит М. Масперо, «le double des pains, des liquides, de la viande, passait dans l'autre monde et y nourrissait le Double de l'homme». Рука об руку с этой верой в то, что физические желания и удовлетворения сохраняются во второй жизни, естественным образом шло представление о второй жизни как о существенно подобной жизни первой; об этом говорят подробные ее изображения, находимые в древних захоронениях, таких, как гробница Ти.

Рядом с обслуживанием желаний предполагаемых материальных или полуматериальных умерших, вытекавшим из этих верований, существовало и обслуживание желаний другого рода. В богато украшенной усыпальнице дочери царя Микеринуса ежедневно курился фимиам, а «на ночь в комнате оставлялся зажженным» светильник. Как правило, имели место публичные восхваления умерших; дабы склонить вернуться в Египет ценимого субъекта, царь обещает: «Бедные будут оглашать плачем порог твоей гробницы. Молитвы будут обращаться к тебе». Такие жертвоприношения, восхваления и молитвы, продолжавшиеся от праздника к празднику, а со временем и от поколения к поколению, превращались тем самым в установленные культы. «На памятниках эпохи строительства пирамид упоминаются жрецы и прорицатели, которые преданно служили Хеопсу, Хабриесу и другим правителям и приносили им жертвы». У жрецов этих были преемники вплоть до 26-ой династии.

Такие жреческие обязанности установились не только для поклонения усопшим царям, но и для поклонения другим умершим. Чтобы обеспечить принесение жертв своим статуям, крупные землевладельцы заключали «договор со жрецами своего города», предписывая, какую еду и какие напитки им следует приносить. Эта система дошла до того, что Хапи Тефа, губернатор района, с целью продолжения совершаемых в честь него служб «обеспечивает жрецам пожизненное жалованье». Как видно по некоторым вышеприведенным выдержкам, из поклонения мертвым возникло путем дифференциации поклонение идолам. *Ка*, которое, как ожидалось, в конце концов вернется и снова вдохнет в мумию жизнь, могло войти также в деревянную или каменную статую, представлявшую умершего. Отсюда вытекали некоторые удивительные следствия. В египетской гробнице, иногда называемой «домом двойника», было пространство, огороженное стеной с крошечным отверстием, где хранились более или менее многочисленные образы умершего; и если бы реанимации мумии помешало ее разрушение, то любой из этих образов мог бы быть использован вместо нее.

Собранные таким образом доказательства того, что идолопоклонство египтян развилось из их культа предков, сопровождаются свидетельствами того, что схожим образом развилось и их поклонение животным. Бог Амон Ра представляется говорящим Тутмосу III:

«Я заставил их созерцать твое величество, пусть даже явленное в звезде Сешет (вечерней звезде)... Я заставил их созерцать твое величество, пусть даже явленное в быке, молодом и полном сил... Я заставил их созерцать твое величество, пусть даже явленное в крокодиле [далее таким же образом говорится о льве, соколе и шакале]... Именно я оберегаю тебя, о мой возлюбленный сын! Гор, доблестный бык, царящий над Фивами».

В первую очередь мы замечаем, что здесь, как и у айнов, имеет место переход от уподобления к метафоре: «твое величество, пусть даже явленное в быке» перерастает

ет здесь в обращение «Гор, доблестный бык». В дальнейшем это естественным образом приводит к смешению человека с животным и к вытекающему отсюда поклоне-нию этому животному. Кроме того, мы можем увидеть, что хвалебные сравнения с другими животными, схожим образом перерастающие сначала в метафоры, а потом и в идентификации, обычно рожают веру в обожествленного индивида, обладающего множественными формами, или обличьями. Еще один пример показывает нам, как из того, что было вначале хвалебным именованием местного правителя, может вырасти принятие образа животного как образа известного живого человека. Мы читаем об «Овне, Господине города Мендеса, Великом Боге, Жизни Ра, Родителе, Царе молодых женщин». Мы обнаруживаем, что царь говорит о самом себе как об «образе божественного Овна, живом портрете его... божественной эманации плодотворного Овна... старшем сыне Овна». И, кроме того, далее говорится, что этот царь обожествил впоследствии свою первую супругу и «повелел, чтобы во всех храмах были помещены ее изображения в образе Овна».

Точно таким же образом буквальное толкование метафоры приводит к поклонению небесным телам. Мы видели, что звезда Сешет отождествляется с индивидом, и так же постоянно с ним отождествляется Солнце. Так, о царе говорят: «Мой господин Солнце, Аменхотеп III, Царь Фив, вознаградил меня. Он сам Бог-Солнце». Также о нем говорится: «Ни один царь не совершал ничего подобного со времен правления Бога-Солнца Ра, владевшего этой землей». В схожей манере говорится о саркофаге, приготовленном для другого царя, Аменемхата: «Не было такого со времен бога Ра». Эти цитаты показывают, что указанная хвалебная метафора использовалась настолько утверждающе, что это вызвало принятие ее как факта и породило тем самым веру в то, что Солнце является действительным правителем Египта.

Происхождение всех этих верований из культа предков, с очевидностью вытекающее из приведенных сведений, еще более проясняется, когда мы замечаем, с одной стороны, что именование «бог» применялось в отношении вышестоящего живого индивида и, с другой стороны, насколько человеческими во всех своих проявлениях были боги, или так называемые боги. Относительно небольшая разница в представлениях о божественном и человеческом демонстрируется тем показательным фактом, что в иероглифическом письме одно «определяющее слово», в зависимости от контекста, означает то бога, то предка, то августейшее лицо.

Поэтому мы не должны удивляться, обнаруживая, что царя Сахуру из 5-ой династии называют «Богом, повергающим в трепет все народы и достающим своею дланью до всех стран», или встречаясь с таким же обожествлением других исторических царей и цариц, таких, как Менхерес или Ноферт-Ари-Аахмес. А обнаруживая всемогущество и вездесущность, приписываемые живому царю, например Рамсесу II, мы видим мало возможностей для дальнейшего обожествления. По правде говоря, мы вообще их не видим, ибо рука об руку со столь возвышенными представлениями о некоторых людях идут весьма невысокие представления о богах.

«О телах богов говорят так же, как и об их душах; и тем и другим присущи части и страсти. Их описывают как страдающие от голода и жажды, старости и болезней, страха и скорби. Они потеют, их руки и ноги трясутся, у них болит голова, их зубы стучат от холода, их глаза наполняются слезами, у них идет кровь из носа, “яд овладевает их плотью”... Все великие боги нуждаются в защите. Осирис беспомощен перед своими врагами, и его останки охраняются его женой и сестрой» (см. прим. 1).

Если можно сказать, что одна половина мира не знает, как живет другая его половина, то так же можно сказать, что одна половина мира не имеет ни малейшего представления о том, что другая половина думает и что некогда думала она сама. Обычно на поздней стадии умственного развития происходит забывание того, что было знакомым и привычным на ранней его стадии.

Как правило, многие мысли и чувства, имевшие место в детстве, по достижении зрелости изглаживаются настолько, что оказывается невозможно даже их представить; и точно таким же образом из сознания окультуренного человечества совершенно стираются некоторые понятия, естественные для человечества с низким уровнем развития культуры, так что становится почти невероятно, что такие понятия когда-то существовали. Но как нелепые мнения, над которыми хохочут родители, наблюдая их у своих детей, были когда-то их собственными, точно так же у передовых народов, коим кажутся смешными примитивные представления, были далекие предки, обладавшие такими же примитивными представлениями. Их собственная теория вещей возникла путем медленного преобразования из той исходной теории вещей, в которой предполагаемая реальность грез имела следствием предполагаемую реальность призраков, из которых развились впоследствии всевозможные виды предполагаемых сверхъестественных существ.

Примечания

1. Странно, сколь невосприимчивым к фактам становится ум, когда он скован предубеждением. Казалось бы, огромная масса доказательств, ясно подкрепляемых свидетельствами, полученными в многочисленных других обществах, должна была убедить каждого, что египетская религия была развитым культом предков. Но такие доказательства, оказывается, не имеют воздействия на умы теологов и исследователей мифологии. Хотя, по древнеегипетскому преданию, «первоначальным местом, где жили боги, была земля Пунта», откуда «святые путешествовали в долину Нила под предводительством Амона, Гора и Хатора»; хотя еще одно предание гласит, что «в первую эпоху в стране правила Династия Богов, затем последовала эпоха Полубогов, а завершила доисторическое время династия таинственных Манов»; хотя эти предания складываются в общую картину с обожествлением царей, жрецов, младших правителей и в некотором смысле даже обычных людей, которое в целом демонстрирует нам египетская история, — вопреки всему, эти данные игнорируются ради желания приписать древним египтянам примитивный монотеизм или примитивный культ природы. Для этих авторов единственным авторитетом служат утверждения, сделанные позднеегипетскими жрецами или содержащиеся в некоторых иероглифических табличках, — утверждения, письменные или устные, которым предшествовал долгий период, когда искусства письма еще не существовало, а также дальнейший продолжительный период культурного развития, — утверждения, которые естественным образом воплощали в себе сравнительно развитые представления.

Это все равно, что отрицать, что первобытным культом иудеев был культ, предписываемый в книге Левит, на том основании, что его отвергают Амос и Осия. Это все равно что брать сократовское представление о Зевсе как опровержение грубого антропоморфизма первобытных греков. И это все равно что приводить какую-нибудь рафинированную современную версию христианства (скажем, версию Мориса) как пример, показывающий, во что верили христиане в средние века.

Продолжение следует

Пер. с англ. В.Г. Николаева